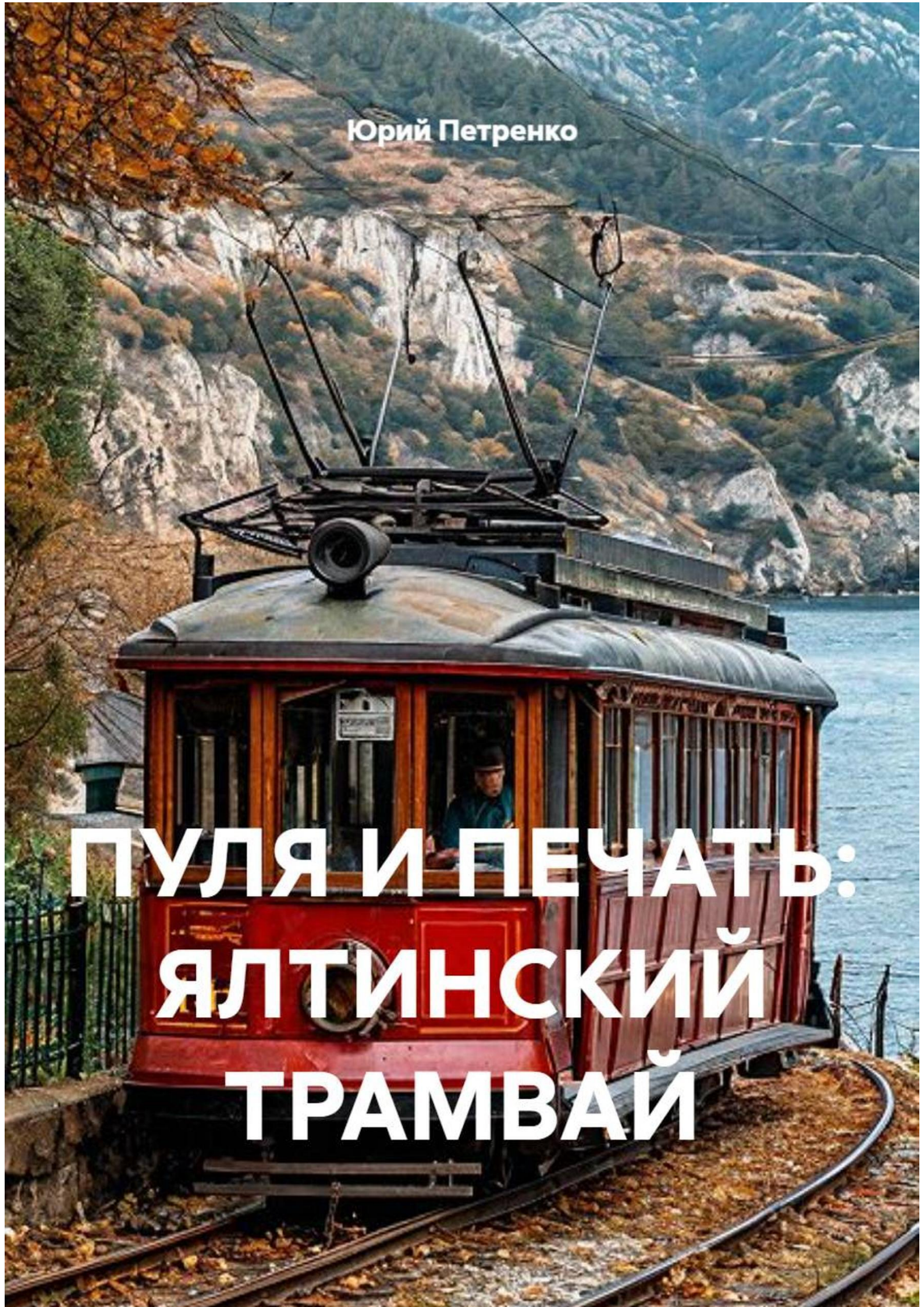

Юрий Петренко

ПУЛЯ И ПЕЧАТЬ: ЯЛТИНСКИЙ ТРАМВАЙ

Юрий Петренко

**ПУЛЯ И ПЕЧАТЬ:
ЯЛТИНСКИЙ ТРАМВАЙ**

«Автор»

2026

Петренко Ю. А.

ПУЛЯ И ПЕЧАТЬ: ЯЛТИНСКИЙ ТРАМВАЙ /
Ю. А. Петренко — «Автор», 2026

ИСТОРИКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ. Октябрь 1910 года. Крымское побережье охвачено «трамвайной лихорадкой»: ТРАМВАЙ должен связать Севастополь и Ялту. Но модернизация наталкивается на глухое, яростное сопротивление. На узловых станциях шепчутся о древнем проклятии «Железного Змея», портовые извозчики бьют изоляторы, а в ялтинском отеле находят задушенным главного изыскателя трассы инженера Гарина, запертого в номере изнутри. За фасадом мистических татарских суеверий и радикальных манифестов анархистов кроется холодный коммерческий расчет: миллионные страховки Ллойда, кража вековой хазарской казны из недр скалы Шаукай и страшная геологическая диверсия. Если рельсы Чаева будут проложены, строящийся Ливадийский дворец Государя рухнет в морской обрыв вместе со сместившимся скальным плато. Единственным выжившим свидетелем заговора остается выпускница Ялтинской гимназии Тамара Дуван, которая ставит на карту свою девичью честь ради спасения расчетов покойного жениха.

© Петренко Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16

Юрий Петренко ПУЛЯ И ПЕЧАТЬ: ЯЛТИНСКИЙ ТРАМВАЙ

Глава 1

ГЛАВА 1. СКОРЫЙ № 3

Сцена 1: Купе № 4. Сметы и махорка

Поезд. ПоЕзд. ПоЕЗд. ПОЕЗд. ПоеЗД.

Длинный дракон тащится на поворотах. Колбасная сосиска тянется на перегонах. Гремит на стрелках. Грохочет, чет-чет-чет, стучит колесами. Раскачивает пьяных и ослабших пассажиров, словно попавший в шторм корабль.

Октябрь 1910 года. Курьерский состав № 3 Санкт-Петербург — Севастополь режет южную ночь с механической, глухой беспощадностью.

В купе первого класса — душный, пыльный синий бархат. Пахнет дорогим турецким табаком, влажной кожей министерских портфелей, каленым чугуном колес и спиртовым лаком казенных переборок. Керосиновый фонарь под потолком коптит, дает тяжелый, желтый свет.

На коленях Станислава Коткевича — громоздкая папка из телячьей кожи с тисненым гербом Министерства юстиции. Внутри не циркуляры. Газетные вырезки, наклеенные на листы плотной серой бумаги. Хроника ялтинской «трамвайной лихорадки».

«Крымский вестник», август:

«Концессия инженера С. Н. Чаева на прокладку электрического пути Севастополь — Ялта утверждена в Петербурге. Прогресс обретает стальные рельсы. Земляные работы на Южном берегу начнутся незамедлительно».

«Южные ведомости», сентябрь:

«Среди извозчиков побережья зреет бунт. Дешевый электрический вагон отнимет у ломовиков хлеб. На базарах в Дерекое шепчутся о проклятиях. Железная дорога нарушит покой вековых татарских и караимских святынь».

Коткевич ведет пальцем по газетной полосе. Следовательно по особо важным делам, он слишком хорошо знает цену таким «проклятиям». Трамвай на ЮБК пытались затаскать трижды за десять лет. Сначала немцы из AEG, затем американские эмиссары Westinghouse. Каждый раз проект тонул в бумагах или внезапных смертях изыскателей. Теперь Чаев перехватил концессию, и на побережье началась война. Два дня назад в Севастопольской гостинице задушили инженера Гарина — главного изыскателя Чаева. Дело пахло большой кровью и государственным саботажем.

За окном — черное южное небо. Звезды — осколки разбитых бутылок — отсвечивают холодный лунный свет. Перегон перед Лозовой. Степь. Пустота.

Дверь купе отъезжает со скрежетом по пазам. На пороге — унтер-офицер Кузмич. Мону-ментальная глыба в суконной шинели. Пахнет махоркой, дегтем, дорожной сыростью. Лицо Кузмича изуродовано белесым шрамом — след осколка японской гранаты под Мукденом. Унтер присаживается на край противоположного дивана, пружины жалобно звякают под его весом. Баюкает огромными ладонями разбитое ревматизмом колено.

— Станция Лозовая на подходе, Станислав Корнелиевич, — глухо басит унтер. — Опаздываем. На путях суeta. Третий класс шмонают жандармы. Ищут беглого.

— Наша юрисдикция начинается там, где кончаются рельсы, Кузмич. В Севастополе. Оставь жандармам их беглых.

— Ветер с юга нехороший, — Кузмич хмурится, глядя в окно. — В тамбуре проводники шепчутся. Мол, трамвай этот ялтинский — грех. Нельзя царскую землю резать железом. Железный Змей выпьет воду из колодцев. Народ верит, темнота.

— Народ верит тому, за что уплачено, Кузмич. Гарин нашел способ пустить пути в обход Ливадии через туннель в скалах. Этот туннель кому-то поперек горла встал. Нам нужно найти чертежи, а не ловить недоучек с гектографами.

Коткевич достает из папки второй блок документов. Синьки чертежей Главного управления путей сообщения. Сметы. Цифры выстроены в жесткие столбцы.

— Смотри сюда, Кузмич. На один погонный кусок рельса Чаев заложил четырнадцать рублей субсидий. Доставка пуда инкерманского камня по старому тракту стоит втрое дороже, чем будущий тариф. Если трамвай пойдет от Севастополя до Ялты напрямую через перевалы, местный синдикат ломовиков теряет монополию. За полгода они вылетят в трубу. Крупные чины из Охранного отделения в Ялте прикрывают их, чтобы сорвать стройку. Но Гарин успел сделать финальную привязку туннеля в обход Ливадии. Без этих чертежей Чаев не сможет начать взрывные работы. Кто контролирует карты туннеля, тот контролирует весь проект.

Поезд резко сбавляет ход. Стук колес хромает, замедляется. Тормозные колодки воют на высоких, металлических нотах. Вагон мелко дрожит. За окном плывут редкие, тусклые вокзальные фонари Лозовой. Состав замирает со вздохом.

Сцена 2: Платформа Лозовая. Саботаж на стрелках

Платформа встречает шумом, криками сбитенщиков, стуком молотков обходчиков по ступицам колес. Пахнет сырым углем, дешевым табаком третьего класса, намокшей рогожей. Жандармские патрули в серых шинелях снуют между вагонами. Фонари «летучая мышь» выхватывают из темноты лица пассажиров — заспанные, злые, испуганные.

Кузмич выходит в тамбур, затем спускается на перрон — размять ногу. Нога после ранения не держит сырость, колено крутит. Коткевич наблюдает за ним через окно купе.

Унтер подходит к станционному обходчику в промасленном фартуке. Тот проверяет буксы, бьет длинным молотком по стальным дискам. Звук чистый, звонкий. Значит, трещин нет.

— Чего стоим дольше обычного, земляк? — Кузмич протягивает обходчику щепоть махорки из кисета.

— Стрелку заклинило на третьем пути, — обходчик жадно берет табак, прячет в карман. — Кто-то насыпал гравия мелкого прямо в механизм и замки забил цементом. Час уже ковыряемся. Жандармы лютуют. Говорят, политика.

— Часто такое?

— Вторую неделю на линии Симферополь — Севастополь канитель, — обходчик оглядывается на жандармский патруль, понижает голос. — Под Мекензиевыми горами на прошлой неделе кто-то вылил бочку дегтя прямо на рельсы. Паровоз буксовал, еле поднялся. А на трассе Чаева, где рабочие просеку бьют под электрический провод, по ночам изоляторы бьют из ружей. Извозчики портовые или местные бунтуют — бог их знает. Не хотят машины пускать в Ялту. Старики говорят, земля проклята будет, если по ней провод пустить с молнией.

Кузмич кивает, возвращается в вагон. В тамбуре душно. Проводник первого класса, худой старик в форменном сюртуке с начищенными пуговицами, испуганно жмет к переборке.

— Слышь, служивый, — окликает его Кузмич. — В третьем классе кого ищут?

— Да из Бахчисарая пассажир, — шепчет проводник, озираясь. — Сел по пути. Билет до Севастополя взял, а сам всю дорогу в окно смотрел, бредил. Соседи по полке испугались, побежали к кондуктору. Мол, у парня под пальто железо звякает, и сам он не в себе. Жандармы кинулись, а он через разбитое окно в коридор выскочил. Сюда бежит, к первому классу!

Внезапно в коридоре — топот бегущих ног. Скользящий, отчаянный. Короткий крик проводника, глухой удар человеческого тела о деревянную переборку.

Сцена 3: Штурм купе. Рванный допрос и цианид

Дверь купе рвется с петель. Замок звякает, синяя суконная штора наполовину слетает с колец.

На пороге — оборванец. Старое драповое пальто в угольной пыли и паровозной саже. Шляпы нет. Курчавые темные волосы прилипли ко лбу. Лицо серое, как кусок мыла. Глаза бешенные, лихорадочные, налитые кровью. Зубы белые, скулы широкие, разрез глаз характерный — выходец из крымских предгорий. Караим. Его бьет крупная, судорожная дрожь.

— В Ялту не соваться! — хрипит он, цепляясь окровавленными пальцами за косяк. — Передай Дувану! Трамвайные рельсы станут вашим крестом!

Кузмич из коридора наваливается скалой. Срабатывает по-фронтовому, на автомате. Короткий перехват за шиворот, жесткий толчок, подножка. Парень летит на пол купе, бьется затылком о нижнюю лавку. Но не борется.

Коткевич мгновенно опускается перед ним, хватая за лацканы рваного пальто, трясет:

— Кто послал? Кому мешает туннель Гарина? Отвечай!

— Человек... человек из охраны... — выплевывает парень вместе с кровью. Глаза его закатываются. — Фиолетовые чернила... Он всё записал... Хранитель Тишины заберет вас...

Парень делает резкое, судорожное движение челюстью. Зубы сжимаются со скрежетом. Позвоночник выгибается дугой. Из его рта вырывается хриплый лающий смех, переходящий в густую, темную пену. Пахнет сладким, удушливым ароматом горького миндаля.

— Назад, Кузмич! Не трогай его! — Коткевич вскакивает. — Цианид!

Из скрюченных, судорожно поджатых пальцев караима на ковер вылетает тяжелый сверток, обмотанный грязной ветошью. Еще один удар каблуков по паркету — и мещанин из Бахчисарая Илья Юфу затихает. Глаза стекленеют, отражая желтый керосиновый свет.

В купе влетают трое жандармов с наганами наголо. Запыхавшийся унтер замирает, видя министерскую папку Коткевича, козыряет:

— Простите, ваше высокоблагородие! Недосмотрели. Государственный преступник. При задержании принял средство. Конец ему. Цианид.

— Идиоты! — Коткевич оборачивается к унтеру, его голос режет как бритва. — Вы упустили ключевого свидетеля по делу государственной важности. Он принял яд прямо у вас под носом. Кто разрешил обыск без согласования со мной? Напишу рапорт министру, вас всех в кандалы закатают!

— Виноваты, ваше высокоблагородие... — жандарм бледнеет, прячет наган в кобуру. — Приказ из Севастополя пришел по телеграфу. Срочно взять Юфу. Подпись — ротмистр Ковалевский.

— Ковалевский... — Коткевич прищуривается. — Забирайте тело. И чтоб ни одна душа на станции не знала, что он успел сказать перед смертью. Выполнять!

Жандармы подхватывают обмякший труп Ильи Юфу за ноги, утаскивают в коридор. Проводник бежит следом с ведром воды — смывать грязь. Поезд, содрогаясь всем корпусом, снижается с места, идет дальше на юг, на Перекоп.

Сцена 4: Серебро и кости предков

Кузмич тщательно запирает дверь купе на задвижку, садится напротив следователя. Окна вагона подрагивают. Степь снаружи кажется бескрайним черным морем.

— Чертовщина какая-то. Анафемщина подпольная. Из-за чего подыхать-то? И про какие чернила он плел?

Коткевич молчит. Он поднимает сверток с пола, разворачивает грязную тряпку. На деревянный стол ложится тяжелая **серебряная джонка**.

Массивный литой амулет величиной с ладонь. Старинная караимская вещь — минджик. Металл потемнел от времени, покрыт густой зеленой патиной и глубокими зазубринами, словно по нему когда-то рубили саблей. На плоской оборотной стороне судна — грубая, глубокая гравировка еврейским квадратным письмом. Но штрихи архаичные, а язык — не еврейский. Особый караимский диалект, на котором старцы пишут свои семейные хроники-меджума.

Коткевич достает из жилетного кармана лупу, подносит амулет ближе к керосиновой лампе. Пальцы точны, движения выверены.

— Это не просто караим из Бахчисарая, Кузмич. Это шифр общины. Послушай текст: «Железный Змей рассечет грудь Шаукая... Иссохнут святые источники, и мертвые поднимутся из Балта-Тиймез, когда колесо проклятого покатится по костям предков. Тишина Юга — есть кровь его. Нарушивший тишину — захлебнется кровью».

Кузмич крестится на темное, подрагивающее стекло вагона:

— Ерунда сектантская. Что за Змей?

— Шаукай — это скала у Ливадии, Кузмич. Там Гарин трассировал обходной туннель для трамвая Чаева. А Балта-Тиймез — их родовое кладбище в Иосафатовой долине, у Чуфут-Кале. Трамвайный путь должен пройти в полуверсте от святых дубов караимов. Парень перед смертью кричал: «Передай Дувану». Семен Дуван — голова Евпатории, главный лоббист этого трамвая, он выбил деньги под проект. И если его собственный соплеменник проклинает рельсы и кончает с собой на наших глазах — это не просто бунт извозчиков.

Коткевич встает, открывает свой дорожный саквояж. Внутри — два револьвера системы «Наган», коробки с патронами, набор для химического анализа жидкостей. Он проверяет барабаны оружия. Щелчки сухие, черные, четкие.

— Ковалевский знал, что Юфу едет в этом поезде. Он приказал жандармам взять его на узловой станции, чтобы парень не доехал до Севастополя. Юфу знал убийцу Гарина. Или сам привез этот амулет из Бахчисарая как знак начала восстания. Чернила, про которые он говорил перед смертью... Гарин писал свои отчеты особым составом, чтобы их нельзя было скопировать. Нам нужно добраться до гостиницы «Россия» раньше, чем Ковалевский перевернет там всё вверх дном.

Сцена 5: Саквояж из Бахчисарая. Табачные крошки и билет

Поезд. ПоЕзд. ПоЕЗд. ПОЕЗд. ПоеЗД.

Состав хрипит на подъемах. Железные стыки бьют по ушам. Чет-чет-чет. Скорость падает. За окном — мертвые солончаки Сиваша. Тьма.

Коткевич выходит в коридор. В тамбуре третьего класса холодно, сквозит из щелей суфле. На полу лежит брошенный саквояж Ильи Юфу. Дешевая свиная кожа, потертые углы, медный замок сломан штыком жандарма. Рядом на корточках сидит Кузмич, держит жандармский фонарь. Коткевич лично перебирает вещи мертвеца. Движения быстрые. Сухие.

На ковер летят: смена белья из сурового полотна, обмылок, засаленный молитвенник на караимском языке, пачка папирос бахчисарайской фабрики Стамболи. Коткевич надрывает папиросу. Внутри — крупно рубленый табак «Дюбек» и клочок тонкой папиросной бумаги. Записка. Три слова фиолетовыми чернилами: *«Вскрыть третью нишу»*.

— Вот тебе и поджог депо, — Коткевич прячет бумажку в карман. — Юфу шел по наводке. Он знал, где Гарин прятал дубликаты чертежей.

На дне саквояжа — железнодорожный билет. Маршрут: *Бахчисарай — Харьков — Лозовая — Севастополь*. Странный крюк. Парень ехал через Харьков не случайно. В Харькове сидит правление Чаева. Юфу перехватил там информацию. Или исполнителей.

— Гняди, Станислав Корнелиевич, — Кузмич указывает пальцем на подкладку саквояжа. — Пятно.

Коткевич трет сукно пальцем. Пятно бурое, подсохшее. Запах дегтя и машинного масла. Точно такой же состав обходчик поминал на стрелках Лозовой. Юфу сам участвовал в саботаже на путях. Он тормозил скорый поезд № 3. Зачем? Чтобы жандармы Ковалевского успели занять Севастополь до прибытия министерского следователя. Парень выполнял чужую волю, но в последний момент испугался Змея. Или цианида.

Сцена 6: Станция Симферополь. Филеры под видом кондукторов

Симферополь. Вокзал. Три часа ночи.

Бетонная платформа, пахнет гарью, мокрой штукатуркой и дешевым трактирным чаем. Свистки обходчиков. Стук молотков по ступицам. Состав замер на первом пути под часами-башней.

Коткевич и Кузмич в купе. Дверь заперта. Внезапно в коридоре — тихий, крадущийся шаг. Скрип половиц вагона. Замок купе № 4 начинает медленно ходить вверх-вниз. Кто-то орудует отмычкой снаружи.

Кузмич бесшумно встает. Спина прямая, шрам на лице белеет. Берет в правую руку тяжелую дубовую трость с набалдашником. Коткевич кладет ладонь на рукоять «Браунинга».

Дверь уходит в паз. На пороге — двое. Форменные шинели кондукторов, но фуражки сидят криво, руки в карманах, взгляды цепкие, не казенные. Филеры. Жандармские ищейки Ковалевского из Ялты.

— Проверка плацкартных квитанций, ваше вы... — начинает первый.

Кузмич не слушает. Короткий, страшный выпад тростью в челюсть. Хруст кости. Первый филер летит спиной в переборку коридора. Второй тянет из кармана короткий «Бульдог», но Коткевич уже у порога. Ствол «Браунинга» упирается филеру прямо в переносицу. Жестко. До упора.

— Назад. Оружие на пол. Оба, — цедит Коткевич. Голос ледяной. — Вы находитесь в купе следователя Министерства юстиции. Попытка нападения на чиновника империи при исполнении. Кузмич, разоружить.

Унтер перехватывает руку второго, ломает сустав. Револьвер стучит по полу. Филер хрипит, прижимая выбитую челюсть платком. Мелкие чины, нанятые для грязной работы. В

их карманах Коткевич находит казенные жетоны Охранного отделения Ялты и предписание: *«Обыскать купе № 4. Изъять серебряные предметы»*. Подпись смазана, но чернила фиолетовые. Те самые.

— Передайте ротмистру Ковалевскому, — Коткевич наступает сапогом на пальцы лежащего филера. — Если его люди появятся в радиусе версты от меня или от Дувана, я введу в Севастополь роту гарнизонных пехотинцев и арестую всё Охранное отделение по статье о государственной измене. Вон из вагона.

Кузмич пинками вышвыривает ищеек в тамбур, прямо на ходу — поезд уже берет разгон на Бахчисарай. Состав ревет, уходя в горы.

Сцена 7: Тектонические пустоты. Дневник инженера Гарина

Четыре часа утра. Поезд режет Инкерманские высоты. Скалы подступают вплотную к окнам, колеса гремят в каменных выемках. Гуд, чет-чет-чет, гуд.

Коткевич достает из портфеля личный рабочий блокнот инженера Гарина. Кожаный переплет, страницы исписаны мелким, убористым почерком геодезиста. Графики, замеры грунтов, расчеты зарядов пироксилина для взрывных работ. Коткевич вскрывает карандашные пометки на полях.

— Слушай, Кузмич. Тут не в кладбище дело. И не в извозчиках.

— А в чем, Станислав Корнелиевич?

— Гарин бил шурфы в скале Шаукай под Ливадией. На глубине двадцати саженей его буры провалились в пустоту. Огромные тектонические пещеры. Подземные озера. Вся Ливадия стоит на известняковом плато, под которым пустота. И Гарин пишет: *«Взрывные работы на трассе Чаева вызовут оползень. Плато поползет в море. Ливадийский дворец рухнет в обрыв вместе со строительными лесами»*.

Кузмич замирает с папиросой у рта.

— Мать божья... Дворец-то еще строится. Краснов его только возводит для Государя.

— Вот именно, — Коткевич закрывает блокнот. — Гарин понял это и хотел остановить стройку Чаева. Изменить трассировку. Но Чаев уже освоил миллионы субсидий. Если проект закроют из-за оползня, Чаев — банкрот и каторжник. Ковалевский и ломовики — лишь исполнители. Чаев сам мог заказать своего инженера, чтобы скрыть геологическую катастрофу и списать всё на караимские проклятия и анархистов.

Поезд дает длинный, хриплый свисток. Состав вылетает из выемки. Впереди — Южная бухта Севастополя. Черные силуэты броненосцев на жидком рассвете. Огни вокзала. Конец рельсов.

Коткевич встает, застегивает сюртук, проверяет револьвер.

— Прибыли, Кузмич. Бери саквояж. Впереди Ялта, и там нас ждет Ковалевский. Рельсы действительно станут чьим-то крестом. И мы узнаем чьим.

Глава 2

ГЛАВА 2. ТРУП В «РОССИИ»

Сцена 1: Графская пристань. Запах угля и каретный торг

Севастополь. Вокзал. СеВастополь. СеВАстополь. СЕВАстополь. Конец рельсов.

Дальше поезда не идут. Курьерский № 3 выплюнул порцию пара и замер у тупика. Коткевич и Кузмич вышли на перрон под серый, сырой приморский рассвет. Пахло угольной гарью, мокрой солью, мазутом и махоркой флотских патрулей. В Южной бухте тусклыми железными глыбами застыли броненосцы «Три Святителя» и «Пантелеймон». Черный дым из их труб лениво стелился по воде.

Кузмич тащил два тяжелых кожаных саквояжа, его левая нога после Лозовой скрипела, как несмазанная телега. Шрам на щеке от морской сырости заныл.

— Ну и климат, — пробасил унтер, сплевывая на мазутные доски настила. — В Петербурге болото, тут болото, только соленое. Станислав Корнелиевич, нам бы в буфет первого класса заглянуть. У меня от этого морского озона в желудке кавалерийская атака начинается.

— В Ялте пообедаешь, Кузмич, — Коткевич даже не замедлил шаг. Под разорванным на станции воротником сюртука тускло поблескивал золотой жетон Министерства юстиции. — Ковалевский пустил филеров по нашему следу еще в Симферополе. Если мы задержимся на вокзале, его люди перекроют Байдарские ворота. Нам нужна быстрая карета. Карета. КаРеТа. КаРЕТа. КАРИета.

Они вышли к Графской пристани. У деревянных мостков толпились ялтинские извозчики-мальпостники. Лошади хрипели, били копытами по мокрой брусчатке, пахло конским потом и сырой кожей.

Коткевич подошел к первому экипажу. Тяжелый казенный кузов на высоких рессорах, четыре колеса в железных ободах. Кучер — коренастый татарин в рваном чекмене и каракулевой шапке — угрюмо курил короткую трубку.

— В Ялту. Прямым трактом через Байдары, — Коткевич бросил на козлы пятирублевый золотой кружак. — Без остановок на почтовых станциях. Уложишься в шесть часов — добавлю столько же.

— Дорога плохой, барин, — татарин спрятал золото в карман, не снимая трубки изо рта. — Шаукай дышит. На перевале камни падают. Вчера мальпост земства чуть в обрыв не улетел. Ломовики говорят, Змей в горах ходит, рельсы ищет. Не надо ехать в Ялту. Худо будет.

— Змея я сам найду, любезный, — Коткевич резко дернул ручку дверцы, увлекая за собой Кузмича. — Пошел!

Лошади рванули с места. Колеса грохотали по инкерманскому камню тракта с сухим, пулеметным стуком. Трясло немилосердно. Кузмич устроился на кожаном диване, баюкая карабин на коленях. Коткевич достал из жилета серебряную джонку Юфу, перебирая пальцами зазубрины на металле.

За окном кареты поплыли бескрайние, серые виноградники долины, сменяясь первыми скальными обрывами горной гряды. Крым закрывал свои двери перед чужаками, но закон империи пробивал дорогу сквозь туман.

Сцена 2: Отель «Россия». Шелковый шарф и тридцать второй номер

Ялта встретила сыростью, увядающими кипарисами, серым туманом и глухим осенним шумом прибоя. Фешенебельная гостиница «Россия». Четыре этажа, неоклассический фасад,

окна выходят прямо на набережную, где шторм катал мелкую гальку. Коридоры в белом мраморе, тяжелые зеленые ковровые дорожки, звенящая, мертвая тишина.

На третьем этаже — жандармский кордон. Два рядовых Симферопольского дивизиона с карабинами у дверей номера тридцать два. На дубовой филенке чернела массивная сургучная печать Ялтинского охранного отделения.

Коткевич ломает её рукоятью «Браунинга» без малейших колебаний. Жандармы у дверей дергаются, вскидывая стволы, но Кузмич выставляет вперед тяжелый набалдашник своей дубовой трости, перекрывая коридор.

— Но-но, служивые, — унтер криво ухмыльнулся, шрам на его лице побелел. — Стволы-то опустите. Мой начальник из Питера такие печати на завтрак вместо баранок кушает. Субординацию соблюдаем.

Внутри номера было душно. Окна задраены наглухо, шторы из плотного зеленого штофа задернуты, не пропуская бледный свет дня. На полу — хаос. Разбросанные листы ватмана, разбитый хрустальный графин, осколки стекла, перевернутая чернильница. Пахнет горьким мылом, дорогим одеколоном, сыростью и странным, резким ароматом озона, какой бывает после грозы или работы мощной электрической машины.

На кровати ничком лежит инженер Гарин. Тот самый, главный изыскатель Чаева. Одежда в беспорядке, дорогой сюртук разорван на спине по шву. Лицо багрово-синее, глаза выкачены, зубы оскалены в предсмертной гримасе. На шее — ровный, синеватый след от удушения. Петля была широкой, мягкой. Кожаный ремень или шелковый шарф.

Коткевич опустился к телу. Осмотр быстрый, точный, без лишних движений. Руки покойного сведены судорогой, пальцы скрючены, под ногтями — волокна зеленого сукна. Точно такого же, как на шторах номера. Гарин боролся, цеплялся за ткань перед тем, как сознание угасло.

На столе — пустой кожаный тубус для чертежей. Карт уникального обходного туннеля у скалы Шаукай внутри нет. Зато рядом на самом видном месте лежит листовка левых радикалов: *«Смерть машинам капитала! Истребим змей модернизации!»*. Красная типографская краска, дешевая бумага, оттиск ручного гектографа.

Но Коткевича интересует другое. Он берет лупу, разжимает намертво сведенные, окоченевшие пальцы инженера. В правой ладони Гарина — сухой, спрессованный кусочек обгорелого дубового угля. Тот самый «алкалык». Древнее караимское проклятие мертвых предков.

— Гляди сюда, Кузмич, — Коткевич указывает лупой на шею трупа. — След от петли идет ровно, без узла. Душили сзади, причем нападавший был ниже Гарина на полголовы. Инженер — мужчина рослый, сажень в плечах. Убийца действовал профессионально, пережал сонную артерию за три секунды. Гарин даже пикнуть не успел. Дверь номера была заперта изнутри на задвижку. Ключ торчит в замке с внутренней стороны. Окна закрыты, шпингалеты защелкнуты. Никаких следов взлома. Как убийца покинул комнату, Кузмич? Через дымоход?

— Через дымоход только черти в Маньчжурии летали, Станислав Корнелиевич, — Кузмич присел на корточки у плинтуса, осматривая паркет. — Тут другое. Глядите на ковер у камина. Пятна. Будто деготь или масло машинное пролили. Свежие.

Коткевич поднес лупу к ковра. Бурый, маслянистый след уходил прямо под дубовую панель стены. Интрига запертой комнаты ломалась о сухую инженерную реальность гостиничных переборок.

Сцена 3: Появление Ковалевского. Конфликт ведомств и фиолетовый след

Дверь номера распаивается с грохотом. В комнату заходит ротмистр Ковалевский. Начальник Ялтинского Охранного отделения. Мундир с иголки, аксельбанты блестят, пахнет дорогим английским табаком и одеколоном «Коти». Взгляд наглый, уверенный, усы подкручены по последней столичной моде. За ним тенью следуют два филера в штатском.

— Дело политическое, Станислав Корнелиевич, — Ковалевский брезгливо кивает на листовку анархистов, не снимая перчаток. — Мои люди уже взяли след. Боевая ячейка харьковских эсеров-максималистов. Гарин копал землю под трамвай, они мстили за угнетение пролетариата и осквернение предгорий. Оставьте это ведомству внутренних дел. Курорт не любит шума, Государь в Ливадии отдохнуть изволит, а вы тут со своими министерскими амбициями.

— Анархисты не запирают двери на задвижки изнутри, ротмистр, — Коткевич поднимается, вытирая пальцы платком. — И они не кладут в лаланды жертв уголь со старых кладбищ Бахчисарая. Как ваш филер в Симферополе? Челюсть уже вправили?

Ковалевский на миг бледнеет, его рука непроизвольно дергается к кобуре нагана.

— Вы зарываетесь, Коткевич. Мои люди выполняли приказ по обеспечению безопасности района. Мещанин Юфу был террористом.

— Юфу был напуганным дураком, которого вы использовали, чтобы затормозить мой поезд, — Коткевич делает шаг вперед, глядя ротмистру прямо в зрачки. — Гарин убит профессионалом. Убийца покинул комнату через секретный проход гостиницы, который есть только у вашей службы. На туалетном столике инженера лежала записная книжка. Последняя запись сделана 13 октября: *«14:00. Встреча с К. в кофейне Бабаджана. Он принес образцы грунта. Пещеры Шаукая обитаемы»*. Кто такой «К.», Ковалевский? Не вы ли сами?

Ковалевский кривит губы в наглой усмешке, проходя к столу. Его пальцы в лайковых перчатках касаются раскиданных чертежей.

— Гостиница «Россия» — старое здание. Здесь много щелей. А караимская магия, о которой треплются татары на базаре, творит чудеса. Может, Хранитель Тишины прошел сквозь стену. Расследование веду я. Прошу освободить помещение, пока мои люди не составили акт о самоуправстве министерских чинов.

Коткевич промолчал. Его взгляд зафиксировал мелкую деталь. На обшлаге мундира Ковалевского, прямо у золотого шитья, темнело крошечное фиолетовое пятно. Те самые чернила, которыми было написано предписание филерам в Симферополе. Те самые чернила, состав которых покойный Юфу поминал в предсмертном бреду.

— Акт будете составлять в казематах Петропавловки, ротмистр, — Коткевич достает из кармана предписание за подписью министра юстиции. — Особые полномочия Сената. Дело о саботаже на правительской трассе Чаева переходит в мое личное ведение. Все ваши филеры отстраняются от осмотра. Кузмич, выстави этих господ за дверь. Если кто пикнет — стреляй на поражение.

Кузмич с сухим щелчком взводит курок своего «Смит-Вессона». Жандармы Ковалевского переглядываются, ротмистр цедит проклятие сквозь зубы, разворачивается и стремительно выходит, хлопнув дверью. Саспенс в комнате сгущается до предела.

Сцена 4: Свидетель Дуван и новые гипотезы. Тектонический разлом

Из тени коридора, дождавшись ухода охраны, выдвигается Семен Дуван. Серый заграничный костюм-тройка, массивная золотая цепочка часов на жилете, трость с серебряным набалдашником. Лицо породистое, умное, борода аккуратно подстрижена. Рядом с ним — его секретарь Леонид Громов. Молодой парень с бледным, испитым лицом, в очках, непрерывно строчит что-то в блокноте, пальцы мелко дрожат.

— Ковалевский погряз во взятках, Коткевич, — Дуван рубит воздух ладонью, проходя к столу покойного инженера. — Анархисты — дешевая ширма для петербургских газет. Пять лет назад американцы из Вестингауза зубы обломали о мою Ялту. Теперь Чаев получил концессию под отечественные субсидии. Ковалевскому заплатили, чтобы он списал смерть Гарина на террор, запугал инженеров и похоронил проект. А «проклятие предков» — это сказка для темных извозчиков, чтобы они пошли жечь рельсы.

— А вы сами, Семен Эзрович? — Коткевич прищуривается. — Зачем вам этот трамвай? Ваша община против модернизации. Старейшины караимов открыто проклинают рельсы. Илья Юфу ехал из Бахчисарая с амулетом, на котором вырезано ваше имя. Вы знали Юфу?

Дуван на секунду замирает. Громов за его спиной перестает писать, поднимает глаза. В комнате слышно только, как капли дождя бьют по стеклу.

— Юфу был племянником старого аптекаря Бабаджана, — медленно говорит Дуван, опуская голову. — Мальчишка начитался старых свитков и сошел с ума на почве защиты Балта-Тиймез. Он думал, что я продал веру за акции трамвайного общества Чаева. Но Гарин... Гарин был моим другом. Он искал компромисс. Трасса должна была пройти через скалу Шаукай в обход Ливадии и в обход наших святынь. Он нашел там древние пустоты, Коткевич. Но там есть третья сила.

— Какая сила?

— Архитектор Краснов, — Дуван понижает голос до шепота. — Он строит Белый дворец для Государя. Гарин за неделю до смерти прибежал ко мне белый как полотно. Он сказал, что Краснов заложил фундамент дворца прямо над тектоническим разломом скалы Шаукай. Если Чаев начнет взрывать скалу под туннель, плато Ливадии сдвинется. Новый царский дворец рухнет в море вместе со строительными лесами. Гарин хотел передать эти расчеты барону Фредериксу, министру двора. Но его убили. И чертежи пропали.

Коткевич сопоставляет факты. Новая гипотеза переворачивает дело. Если Гарин угрожал строительству Краснова, круг подозреваемых расширяется до первых лиц Министерства Императорского Двора. Чаев мог убрать инженера, чтобы спасти свои миллионы субсидий. Краснов мог убрать инженера, чтобы скрыть ошибку в расчетах фундамента. Ковалевский лишь зачищал следы.

— Кто еще знал о расчетах Гарина? — спрашивает Коткевич.

— Его невеста, — Дуван смотрит на следователя в упор. — Моя племянница, Тамара Дуван. Она выпускница Ялтинской женской гимназии. Гарин был безумно влюблен в нее. Перед смертью он отдал ей дубликаты всех геодезических изысканий Шаукай. Если чертежи еще целы — они у нее. Но за ней уже ведут слежку филеры Ковалевского. Торопитесь, Станислав Корнелиевич. Если охранка доберется до девочки первой, расчеты Гарина сгорят в камине Ковалевского, а Тамару найдут в море.

Сцена 5: Экспертиза номера. Тайная ниша и фиолетовый след Громова

Дуван и Громов уходят. Коткевич запирает дверь изнутри на ту самую задвижку.

— Кузмич, факел сюда. Будем искать третью нишу, про которую Юфу твердил перед смертью.

Сыщики начинают детальный, пошаговый осмотр стен. Номер обит дорогими обоями со тисненым лилейным узором. Коткевич простукивает филенки дубовых панелей у плинтусов. Звук глухой, плотный. Возле камина панели поддаются. Раздается легкий щелчок. Две дубовые планки отходят в сторону, открывая скрытую в толще каменной кладки нишу. Тайник Охранного отделения для скрытого наблюдения за почетными гостями курорта.

Внутри ниши — небольшая табуретка, узкая смотровая щель, выходящая прямо к изголовью кровати Гарина через декоративную решетку вентиляции, и брошенные улики. На полу ниши лежит пустой флакон из-под химического раствора и небольшой латунный геодезический инструмент — угломер-теодолит со штампом «*Мастерские путей сообщения, С-Петербург*». Инструмент Гарина. На ручке угломера — черные, замасленные пятна.

Коткевич опускается на корточки, подносит к полу лупу. На пыльном полу ниши — два четких следа от подошвы обуви. Один — крупный, казенный сапог жандарма. Второй — небольшой размер, узкий носок, изящный каблук франтоватых венских туфель. Секретарь Громов носит именно такие. Рядом со следом — капли раствора на основе сока черноклена,

который караимы используют для дубления кожи и изготовления тех самых фиолетовых чернил.

— Убийца сидел здесь, Кузмич, — Коткевич поднимается, его глаза горят холодным сыщицким азартом. — Он ждал, пока Гарин уснет. Запах озона в номере... Это не гроза. Убийца использовал портативный электрический ингалятор с хлороформом, закачал газ через решетку вентиляции. Гарин заснул мертвым сном. Затем убийца вышел из ниши через потайную панель, задушил инженера ремнем от его же теодолита, вложил в руку уголь «алкалык» и бросил листовку анархистов. Дверь номера осталась запертой изнутри. Громов испачкал пальцы в чернилах, когда помогал Ковалевскому зачищать тубус с чертежами. Крот сидит прямо в кабинете Дувана.

— Значит, пора брать этого очкарика под микитки? — Кузмич сжимает кулаки.

— Рано. Громов — лишь исполнитель. Он передаст чертежи Ковалевскому сегодня ночью. Нам нужна Тамара Дуван. Она ключ ко всей геологии Ливадии. Если расчеты Гарина подтвердят оползень, мы остановим стройку Чаева решением Сената, и Ковалевскому придется стреляться.

Коткевич прячет латунный угломер в саквояж. За окном отеля «Россия» окончательно стемнело. Горный туман спустился на набережную Ялты, превращая фонари в тусклые, размытые пятна. Сыщики гасят керосиновую лампу. Впереди — Дереккой, татарский пригород, где прячется племянница Дувана, хранящая главную тайну Белого дворца царя. Заговор модернизации обретает свои истинные контуры, и Коткевич готов нанести ответный удар.

Глава 3

ГЛАВА 3. «ВЕСТИНГАУЗ» ПРОТИВ КУБАНИ

Сцена 1: Ночной Дереккой. Кипарисы и филеры

Дождь. Дождь. Дождь. ДОЖДЬ. Дождь.

Сырой крымский октябрь въедался в сукно шинелей. Татарский пригород Дереккой тонул в черной, скользкой грязи предгорий. Сады, обнесенные заборами из дикого ракушечника. Извилистые улочки, где карета не пройдет по ширине осей. Пахнет прелой айвой, овечьим сыром, дымом кизяка и мокрым инкерманским камнем.

Коткевич и Кузмич шли пешком от набережной Ялты. Избегали фонарей. Кузмич хромал, опираясь на дубовую трость, но шаг держал твердо. В левом кармане унтера — тяжелый армейский «Смит-Вессон», Коткевич держал руку в прорези сюртука, на рукояти «Браунинг-Маузера».

— Нас ведут, Станислав Корнелиевич, — тихо бросил Кузмич, не оборачиваясь. — От самого Массандровского моста пара обуви шлепает по лужам. Идут аккуратно, шагов на ПЯТЬ-десять отстают.

— Филеры Ковалевского, — Коткевич не прибавил шагу. — Охранка караулит все выходы из дома Дувана. Жвут, пока Тамара сделает неверное движение. Местные татары напу-ганы. Днем Ковалевский пустил слух, что Гарина зарезали караимские сектанты по приказу Дувана. Хотят спровоцировать резню в пригороде.

— Под Мукденом японцы тоже хунхузов на наши тылы натравливали, — Кузмич сплюнул в придорожную канаву. — Знакомая порода. Завернуть в тупик, проучить?

— Нет. Пусть думают, что мы идем вслепую. Наша цель — дом Бабаджана. Секретарь Громов час назад заказывал туда извозчика через портовую контору. Крот пошел сдавать чер-тежи туннеля.

Впереди показался глухой каменный забор с тяжелыми коваными воротами. Усадьба Семена Дувана. Из-за туч на миг выкатился бледный диск луны, выхватив из темноты силуэт человека у забора. Филер в суконном пальто, воротник поднят, фуражка натянута до бровей. В руках — короткий ломик-фомка. Ищейка проверял замки на черном входе.

Кузмич сработал бесшумно. Молниеносный шаг вперед, перехват трости двумя руками — набалдашник бьет филера точно в основание черепа. Глухой треск, тело обмякает, валится в грязь под куст сирени. Кузмич обыскал карманы за три секунды.

— Жетон Ялтинского охранного отделения № 14, — унтер протянул Коткевичу кусок латуни. — И американские карманные часы. Марка *Waltham*. На крышке гравировка: «*Л. Г. от признательного господина У.*».

— «Л. Г.» — это Леонид Громов, — Коткевич осмотрел часы при свете луны. — А «гос-подин У.» — это мистер Уайт, официальный представитель синдиката Вестингауза в Одессе. Пять лет назад Уайт предлагал Дувану взятку в сто тысяч долларов за уступку трамвайной концессии американцам. Дуван отказался. Теперь американцы играют через Громова и Кова-левского. Они хотят доказать Петербургу, что Чаев не способен удержать Крым, и перехватить стройку. Интрига замкнулась. Ломовики, Ковалевский, Вестингауз — все кормятся из одной руки.

Коткевич толкнул узкую калитку ворот. Она была не заперта. Сыщики скользнули в глу-бину старого вишневого сада.

Сцена 2: Комната гимназистки. Чертежи под матрацем

Дом Дувана стоял в глубине сада — двухэтажный особняк в мавританском стиле, с резными деревянными верандами. Окна первого этажа были темны. На втором, за плотной шторой, едва теплился розовый огонек свечи.

Сыщики поднялись по приставной лестнице, которую Кузмич нашел у сарая. Окно веранды второго этажа поддалось легко — Коткевич отжал шпингалет лезвием перочинного ножа.

Внутри пахло сухой лавандой, пудрой, французскими духами и чернилами. Комната Тамары Дуван. Типичная спальня выпускницы гимназии: узкая железная кровать, на стене — диплом в раме под стеклом, стопка тетрадей в кожаных переплетах, на столе — раскрытый том Бодлера на французском.

Тамара сидела у зеркала. Она не вскрикнула. Лишь резко повернула голову, ее рука мгновенно легла на маленький латунный револьвер системы «Велодог», лежавший среди флаконов с туалетной водой. На ней было строгое коричневое форменное платье гимназистки, темные волосы собраны в тяжелый узел на затылке. Лицо бледное, породистое, разрез глаз — как у погибшего Юфу. Караимская кровь.

— Вы Коткевич, — ее голос не дрожал. — Дядя говорил о вас. Ковалевский уже убил Гарина. Теперь вы пришли за картами?

— Я пришел спасти вас, Тамара Семеновна, — Коткевич опустил «Браунинг», показал серебряную джонку. — Илья Юфу мертв. Он принял цианид в моем купе у Лозовой. Перед смертью он просил передать вашему дяде, что рельсы станут крестом. Ковалевский ищет дубликаты расчетов Гарина. Громов уже украл оригиналы из отеля «Россия».

Девушка медленно опустила «Велодог». Ее губы горько сжались.

— Леонид всегда был трусом. Он думал, что я не замечаю, как он переписывает дневники Гарина фиолетовыми чернилами для охраны. Гарин знал, что его убьют. Он оставил мне вторую папку. Чаев заложил трассу прямо через карстовые пустоты скалы Шаукай. Если там начнут взрывать динамит, плато двинется. Ливадийский дворец Краснова уползет в море. Но Чаеву плевать на дворец — он застраховал строительные подряды в английском синдикате Ллойда на три миллиона рублей. Ему выгодно, чтобы произошел оползень. Он спишет катастрофу на форс-мажор, получит страховку и уедет в Париж.

Тамара подошла к кровати, рванула край тяжелого матраца. Под ним, среди полотна, лежала плоская папка из толстой синей бумаги, перевязанная суровым шпагатом. Геодезические синьки Гарина. На каждой странице — штамп: «Секретно. Изыскания ЮБК. Гарин».

Коткевич раскрыл папку. Схемы тектонических разломов. Математические столбцы нагрузок на известняк. Гарин доказал: первый же трамвайный вагон, пущенный по рельсам Чаева у Ливадии, вызовет резонанс и обрушение пещер.

— Это документ государственной важности, Тамара Семеновна, — Коткевич спрятал папку под сюртук. — С этим я останавливаю Чаева через Сенат. Но вам здесь оставаться нельзя. Ковалевский штурмует дом, как только поймет, что филер у ворот мертв. Кузмич, уводи девочку через старые виноградники к порту. У Дувана там должна быть каботажная шхуна.

— Нет, — Тамара посмотрела следователю прямо в глаза. — Я поеду с вами. Громов сейчас на аптекарском складе Бабаджана. Он пытается уничтожить лабораторные журналы Гарина, где записан химический состав грунтов Шаукай. Без этих журналов синьки — просто бумага для суда. Охранка сожжет склад через час.

Коткевич кивнул. Жестко. Без лишних слов.

— Кузмич, патроны в барабан. Идем на склад Бабаджана. Крот должен быть взят с поличным.

Сцена 3: Аптекарский склад. Запах серы и петля

Улица Чехова, бывшая Виноградная. Аптекарский склад караима Бабаджана помещался в подвале старого каменного полуторного дома. Окна подвала заменены толстыми чугунными решетками. Вокруг — вековые дубы, глухие заборы, темнота.

Пахло тухлыми яйцами — сероводородом, соляной кислотой, карболкой и мертвечиной. Дверь в подвал была приоткрыта. Изнутри пробивался слабый желтый свет керосинового фонаря. Слышался шорох бумаги и приглушенный, злой мужской голос.

Коткевич скользнул внутрь первым, прижавшись спиной к влажной кирпичной стене. За ним — Кузмич и Тамара.

Подвал был огромен. Стеллажи до потолка заставлены флаконами, банками с притертыми пробками, тюками с сушеными травами. Посреди лаборатории, у массивного дубового стола, стоял Леонид Громов. Очки съехали на кончик носа, сюртук расстегнут, пальцы в фиолетовых чернилах. Он лихорадочно бросал тетради в железную бочку, где уже разгоралось пламя. На столе лежал открытый медный тубус Гарина — тот самый, украденный из «России».

Но Коткевич смотрел не на Громова.

В глубине подвала, между двумя стеллажами с кислотами, висел человек. Старый караим Бабаджан. Тело вытянулось, голова упала на плечо, под ногами — перевернутый деревянный ящик. На шее — широкий кожаный караимский пояс с серебряными бляхами. Тот самый ритуальный обряд, который Ковалевский пытался выдать за «самоубийство пророка». Под ногами мертвеца была аккуратно насыпана горсть красной земли — сухой глины из Иосафатовой долины Чуфут-Кале. Инсценировка была грубой, спешной.

— Стоять, Громов, — Коткевич вышел на свет фонаря, подняв «Браунинг». — Руки за голову. Кузмич, гаши бочку.

Громов вздрогнул, выронил очередную тетрадь. Лицо его стало белым, как мел. Он дико огляделся, его рука потянулась к карману брюк, где звякнуло железо.

— Не советую, — Кузмич шагнул из тени, набалдашник трости со свистом рассек воздух в верхке от очков секретаря. — Пальцы отрублю по самые манжеты. На пол ствол.

Маленький дамский «Браунинг» со стуком покатился по каменным плитам. Громов упал на колени, закрыв лицо руками в фиолетовых чернилах.

— Это не я... Господи, это не я! — закричал он, срываясь на визг. — Ковалевский приказал! Он повесил старика! Бабаджан не хотел отдавать журналы Гарина! Он кричал, что Хранитель Тишины проклял трамвай! Ковалевский сам накинуд ему пояс на шею! Я только жёл бумаги! Чаев заплатил ротмистру тридцать тысяч рублей за зачистку Ялты!

Тамара Дуван подошла к телу старого аптекаря. Ее лицо окаменело. Она медленно подняла с пола щепоть красной земли, рассыпанной под ногами мертвеца, высыпала ее в бочку с гаснущим огнем.

— Бабаджан знал секрет Шаукая, Коткевич, — тихо сказала она. — Эта красная глина... Ее нет в Ялте. Ее везут из пещер Бахчисарая. Гарин нашел в пустотах под Ливадией древний караимский схрон с золотыми монетами чеканки византийских императоров и свитками двенадцатого века. Ковалевский и Чаев хотят не просто страховку за оползень. Они хотят взорвать скалу, обрушить дворец Краснова, а под шумок катастрофы вывезти тонны древнего золота, которое Гарин нанес на свои изыскательские карты. Вот почему Илья Юфу сошел с ума. Он понял, что святыни предков разграбят под видом прокладки трамвайных путей.

Сцена 4: Вспышка магии. Жандармская засада

Свисток. СВИСТОК. СВИСТОК. СВИСТОК.

Резкий, пронзительный звук жандармского свистка разорвал тишину улицы Чехова снаружи. Сверху, со стороны лестницы подвала, раздался тяжелый топот казенных сапог. Жандармы. Оцепление. Ковалевский понял, что его филеры в Дерекое ликвидированы, и бросил в бой весь Симферопольский дивизион.

— Окна! — рявкнул Коткевич. — Кузмич, держи лестницу! Тамара, за стеллажи!

В подвал полетела стеклянная граната — дымовая пашка с бертолетовой солью. Вспышка магия ослепила сыщиков. Белый, удушливый дым мгновенно заполнил подвал, смешиваясь с запахом серы и карболки. Затрещали револьверные выстрелы. Жандармы били вслепую сквозь туман, пули колотили по стеллажам. Стеклянные банки лопались, соляная кислота с шипением полилась на каменный пол, разъедая сукно брошенных вещей.

Кузмич укрылся за массивным дубовым столом. Его «Смит-Вессон» грохнул дважды — казенный свинец калибра .44 выбил кирпичную крошку у входа. С лестницы донесся крик, покатилося тяжелое тело.

— Станислав Корнелиевич! — проревел унтер сквозь грохот и гарь. — Их там не меньше десятка! Нам подвал не удержать! Дым выест легкие за пять минут! Как уходить?

Громов на полу был от страха, катаясь среди осколков и пролитой кислоты. Коткевич подбежал к Тамаре, прижал ее к полу за стеллажом. Пули сбивали флаконы над их головами, горячие брызги жгли кожу.

— Тамара! Здесь есть другой выход? Бабаджан не мог держать склад без потайной двери! Где ниша?

Девушка закашлялась от удушливого дыма, указала пальцем на дальнюю стену подвала, скрытую за тяжелым суконным занавесом.

— За бочками с дегтем! Там старая дренажная штольня, она выходит прямо к строительной узкоколейке Ливадийского дворца! Гарин через нее ходил в пещеры скалы Шаукай!

— Кузмич! К бочкам! — Коткевич схватил Тамару за руку, рванул папку Гарина поплотнее под сюртук. — Громова бросаем, он свое отработал!

Кузмич сделал три упреждающих выстрела в сторону лестницы, подавляя огонь жандармов, и гигантской тенью метнулся к дальней стене. Огромными ладонями унтер рванул две пустые дубовые бочки из-под дегтя в стороны. За ними открылся узкий, темный проем в кирпичной кладке. Повеяло сырым, ледяным воздухом подземных пещер, запахом столетней влаги и озона.

Жандармы во главе с Ковалевским ворвались в подвал, когда Коткевич уже переступал порог штольни. Ротмистр выстрелил трижды из нагана в туман, пуля чиркнула по латунному углу в саквояже следователя, выбив сноп искр.

— Вдогонку! — орал Ковалевский, его лицо в дыму казалось маской дьявола. — Живыми не брать! Списать на теракт анархистов! Обоих в пещерах закопать!

Коткевич рванул потайную дубовую дверь на себя. Стальные засовы со скрежетом вошли в пазы. Сыщики остались в полной, абсолютной темноте крымских подземных пустот. Сзади, сквозь толщу камня, доносились глухие удары прикладов в железо двери. Железный Змей ялтинского заговора окончательно сбросил маску модернизации, и Коткевич понимал: теперь закон империи защищают только семь патронов в его «Браунинге» и древние синьки мертвого инженера.